СЕМЕСТРОВОЕ СОЧИНЕНИЕ СЕРАФИМА СЕРАФИМОВА "О КАНТОВОМ НАЧАЛЕ НРАВСТВЕННОСТИ".

Печатается по рукописи 327 (муз. 909) архива КДА с сокращениями и сохранением авторского стиля, л. 1–6

Данное рукописное сочинение критического характера, проверенное профессором И.М. Скворцовым с пометкой "В суждении хорошее направление", интересно тем, что написанное в 30-х годах, оно могло основываться на знании текстов Канта на трех языках: немецком, русском и латыни. К этому времени, как уже упоминалось, в академической библиотеке существовал русский перевод Я. Рубана, также в архивах Киевской духовной академии имеются литографированные лекции по истории новой философии на латинском языке с переводами оригиналов И.М. Скворцова за 1820 и 1822 г. (л. 340, муз. 232), распространенные среди студентов до перехода преподавания на русский язык при ректорстве Иннокентия Борисова в 1831–1832 гг. и, что вполне естественно, присутствовали оригинальные тексты Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта и др., изданные в Вене, Лейпциге, Берлине, Кёнигсберге, некоторые еще в конце XVIII в. См.: Систематический каталог книг библиотеки КДА, составленный библиотекарем Академии А.С. Крыловским. Сочинения философов № 7263–7600. Киев, 1866.

Л.1... глубокое уважение Канта к нравственному закону было причиною того, что он обратил преимущественное внимание на нравственную сторону человеческого духа и возвысил ее над теоретическою. Это побудило его вооружиться против ложных систем нравственности и отвергнуть все те начала, которые основаны или на понятии о счастии, или на других посторонних побуждениях.

Кантово начало нравственности: **"Поступай так, чтобы правило твоей воли могло быть всеобщим законом".**

Л.2. Чем больше поступки человека бескорыстны, тем они выше, тем благороднее. И начало нравственности, выражающее и предписывающее подобное бескорыстие, такую любовь к закону как закону, заслуживает похвалу и одобрения.

Л.2 об. Человек есть самостоятельный исполнитель внутреннего закона по одному разумному убеждению в справедливости его требований. Этим, кажется, и ограничивается достоинство Кантова начала. Кантово начало определяет одну форму действования, не показывая самого предмета и цели деятельности. Это также крайность.

Л.3. Не более ли мучается человек оттого, что не знает, куда направить свои стремления. Сердце его не знает, на что броситься. Оно... прилепляется к благам мнимым. Гораздо благодетельнее был бы тот нравоучитель, который указал это истинное благо человека... которое удовлетворило бы его сердцу и утолило жажду его богоподобного духа. И тогда определил, какими путями можно достигнуть сего блага.

Л.3 об. Следовательно, надобно указать человеку не только одну форму действования, но и самую цель его...

Итак, предписывать такое начало нравственности... не означает куда должно вести такое действование, это значит отнимать у нравственности всю утешительную сторону ее, значит предписывать холодный стоицизм.

Кант боится определить предмет деятельности... чтобы остаться верным своей системе, по которой практический разум возвышен над всеми способностями человеческими, но и самый Бог – источник разума и всякой нравственности – едва приметен позади его... Кант как бы уверен, что для человека более ничего не нужно, как только действование. Здесь явная односторонность.

Л.4 об. Кант истощает все тонкости умствования, чтобы исключить из круга действий человека самые священные из них – обязанности к Богу... Но против этого вечно будет вооружаться сердце человека. Без этой любви (к Богу) нравственность (по Канту) обращается в чистый эгоизм.

Кант признает идею Бога, годную только для утверждения нравственного чувства, а при самом исполнении закона нужно исполняться любовию и уважением не к Богу, а к закону (практическому разуму). Но не лучше ли прежде утвердиться любовию к Законодателю? Страх Божий, говорит мудрец ничем не меньший Канта, есть начало истинной премудрости и, следовательно, всякой истинной нравственности.

Л.5 об. У Канта [таким образом] все добродетели будут иметь целию угождение практическому разуму, как-бы выше ничего нет... Добродетельный человек по духу Кантова правила легко может перейти к нравственной гордости... но действующий по нашему христианскому правилу, всегда имеет причину смирятся. Так наше начало ведет к смирению – основанию христианской нравственности, а Кантово – к эгоизму.